

© Перевод подготовлен в рамках проекта «Инициатива повышения качества предоставления систем убежища в странах Восточной Европы и Южного Кавказа» (<http://unhcr.org.ua/uk/publikatsiji/iniatsiava-kachestva-sistem-ubezhishcha>) для русскоязычной версии веб-портала УВКБ ООН Refworld (<http://www.refworld.org.ru>). Разрешение на перепечатку данного перевода было предоставлено с единственной целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© The translation was made available under the UNHCR project Asylum Systems Quality Initiative in Eastern Europe and South Caucasus (<http://unhcr.org.ua/en/publications-3/qjee>) for UNHCR's web-portal Refworld/Russian version (<http://www.refworld.org.ru>). Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КИМ ПРОТИВ РОССИИ» *(Жалоба № 44260/13)*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 июля 2014 года

Это постановление вступит в силу и станет окончательным при наступлении обстоятельств, предусмотренных параграфом 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Ким против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция),
заседая Палатой в составе Председателя Изабелль Берро-Лефевр, судей Ханлара Хаджиева, Мирьяны Лазаровой Трайковской, Джулии Лаффранк, Пауло Пинто де Альбукерке, Эрика Мёзе и Дмитрия Дедова, и Сёрена Нильсена, секретаря Секции,
проведя закрытое заседание 24 июня 2014 года,
вынес изложенное ниже постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато жалобой № 44260/13 против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») господином Романом Анатольевичем Кимом («заявитель») 21 июня 2013 года.
2. Заявителя представляли господин Юрий Серов и госпожа Ольга Цейтлина, адвокаты, практикующие в Санкт-Петербурге. Правительство России («Правительство») представлял господин Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель утверждал, в частности, что он слишком долго был лишён свободы, находился при этом в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, а также, что он не мог добиться судебного контроля своего содержания под стражей.
4. 30 августа 2013 года жалоба была коммуницирована Правительству.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1962 году в Узбекской ССР в Советском Союзе. С 1990 года он живёт в России, в Санкт-Петербурге. Похоже, что после развала СССР он не приобрёл никакого гражданства.

A. Процедура выдворения

6. 19 июля 2011 года заявитель был остановлен для проверки документов милицией, которая обнаружила, что у него не имеется документов, удостоверяющих личность. В тот же день судьёй Сестрорецкого районного суда Санкт-Петербурга заявитель был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьёй 18.8 Кодекса об административных правонарушениях (нарушение правил регистрации в России), ему было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 2000 российских рублей и выдворения из России. Суд постановил, что до своего выдворения заявитель должен находиться в центре для содержания иностранных граждан.

7. Должностные лица Федеральной миграционной службы (ФМС) провели с заявителем беседу и взяли у него отпечатки пальцев. У заявителя не было ни паспорта, ни других удостоверяющих его личность документов. Он рассказал, что родился в Ташкенте и до приезда в Россию был зарегистрирован по месту жительства в Ташкентской области.
8. 30 ноября 2011 года начальник центра для содержания иностранных граждан попросил Посольство Узбекистана выдать проездные документы (свидетельства о возвращении) тринадцати лицам, в том числе и заявителю, которые были названы узбекскими гражданами. На это обращение не было получено никакого ответа.
9. Аналогичные запросы были направлены в дальнейшем 10 февраля, 29 марта, 31 июля и 11 ноября 2012 года, но на них также не было получено никакого ответа из Посольства Узбекистана.
10. 7 июня 2012 года защитник заявителя направил запрос в Посольство Узбекистана в России, желая выяснить, имеется ли у заявителя узбекское гражданство и может ли он быть перемещён в Узбекистан. Он не получил ответа.
11. В тот же день защитник попросил ФМС проинформировать его о мерах, принятых для выдворения заявителя из России, была ли установлена его личность и почему заявитель уже провёл более одиннадцати месяцев в заточении. В ответ ФМС отказалась предоставить какую-либо информацию, сославшись на закон о защите персональных данных.
12. 14 ноября 2012 года защитник обратился в Сестрорецкий районный суд с ходатайством о прекращении исполнения постановления о выдворении от 19 июля 2011 года. Он указал, что исполнение этого постановления невозможно, так как узбекские власти не примут заявителя, который не является гражданином этого государства.
13. 10 декабря 2012 года судья Сестрорецкого районного суда отказал в удовлетворении указанного ходатайства, не заслушав стороны либо заявителя. По мнению судьи, непринятие мер для выдворения заявителя не является основанием для прекращения исполнения постановления о выдворении. Защитник подал жалобу, в которой он, в частности, указал на отсутствие периодического судебного контроля законности лишения заявителя свободы, в нарушение параграфа 4 статьи 5 Конвенции, и на неспособность государственных органов проявить особое усердие в выдворении, в нарушение требований параграфа 1 (f) статьи 5 Конвенции. 14 марта 2013 года указанная жалоба была оставлена без удовлетворения судьёй Санкт-Петербургского городского суда. В отказном решении были использованы общие фразы.
14. Защитник также попыталась обжаловать лишение заявителя свободы как незаконное. Решением от 26 ноября 2012 года Красносельский районный суд Санкт-Петербурга отказал в удовлетворении жалобы, указав, что постановление от 19 июля 2011 года представляет собой достаточную законную основу для продолжающегося лишения свободы. Суд отметил, в частности, что заявитель должен продолжать находиться под стражей «до его выдворения из России». 24 января 2013 года Санкт-Петербургский городской суд оставил решение районного суда без изменения.
15. Письмом от 5 февраля 2013 года консульский отдел Посольства Узбекистана сообщил ФМС о том, что заявитель не является гражданином Узбекистана, а потому ему не может быть выдан проездной документ. 25 марта 2013 года Министерство внутренних дел Узбекистана направило дополнительное письмо в ФМС, указав, что заявитель не является узбекским гражданином.

16. 29 июля 2013 года заявитель был освобождён в связи с истечением двухлетнего срока исполнения решений об административном выдворении.

Б. Условия содержания в центре для содержания иностранных граждан

17. Центр для содержания иностранных граждан находится в Красном Селе в Санкт-Петербурге и в рассматриваемое время находился в ведении ФМС.
18. Центр – это восьмизэтажное здание, рассчитанное на содержание 176 человек. В действительности в центре всегда содержалось не менее 300 человек, и это количество увеличивалось до 400 летом и во время специальных рейдов.
19. Заявитель сначала содержался в камерах 604 и 605. Каждая из камер имела площадь не более 10 квадратных метров, вмещающая 5 или 6 человек. В последние десять месяцев своего заточения заявитель находился в камере 615, площадью 18 квадратных метров, которую он делил с 4 и иногда до 7 других человек.
20. В камерах не имелось раковины или доступа к питьевой воде. На этаже были всего один туалет и один душ, которыми пользовались примерно 40 человек.
21. До марта 2013 года заявителю разрешалось находиться на улице в маленьком дворике 20-30 минут один раз в 2-3 недели.
22. В учреждении невозможно было заняться никакой осмысленной деятельностью: не были доступны телевидение, радио, газеты или журналы.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

А. Кодекс об административных правонарушениях

23. Статья 18.8 действующей редакции Кодекса предусматривает следующее:
 “1. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся... в нарушении правил миграционного учёта, передвижения или порядка выбора места пребывания или жительства... влечёт наложение административного штрафа... с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового.
 1.1. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации... влечёт наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации.
 ...
 3. Нарушения, предусмотренные частями 1, 1.1... настоящей статьи, совершённые в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области влекут наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации”.
- Статья 18.8 была дополнена частями 1.1 и 3 в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 207-ФЗ.
24. Часть 5 статьи 32.10 [Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях], которая действовала в момент лишения заявителя свободы, разрешала национальным судам помещать иностранного гражданина или лицо без гражданства под стражу в целях обеспечения исполнения постановления о его (её) административном выдворении. С 1 января 2012 года соответствующие положения содержатся в части 5 статьи 3.10 и части 3 статьи 27.19 [Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях].

Б. Практика Конституционного Суда [Российской Федерации]

25. В своём постановлении от 17 февраля 1998 года № 6-П Конституционный Суд [Российской Федерации] указал, в частности, следующее:

“Из статьи 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с её статьёй 55 (части 2 и 3) следует, что задержание на неопределённый срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением данного права. Поэтому... положение... о задержании на срок, необходимый для выдворения, не должно рассматриваться как основание для задержания на неопределённый срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении лица без гражданства может затянуться в силу того, что ни одно государство не соглашается принять выдворяемое лицо. В противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению выполнения решения о выдворении превращалось бы в самостоятельный вид наказания, не предусмотренный законодательством Российской Федерации и противоречащий указанным нормам Конституции Российской Федерации”.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

26. Заявитель пожаловался на то, что условия его содержания в центре для содержания иностранных граждан не были совместимы со статьёй 3 Конвенции, которая предусматривает:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

А. Приемлемость

27. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу параграфа 3 (а) статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо

28. Правительство признало нарушение статьи 3 Конвенции и заявило, что условия содержания заявителя под стражей не соответствовало применимым стандартам.
29. Заявитель утверждал, что условия его содержания под стражей в центре для содержания иностранных граждан были бесчеловечными и унижали его достоинство, так как центр рассчитан на краткие периоды содержания, не превышающие 15 дней, а провести там он вынужден был 2 года.
30. Как неоднократно отмечал Суд, статья 3 [Конвенции] олицетворяет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Конвенция абсолютно запрещает пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание, вне зависимости от обстоятельств поведения потерпевшего (см. § 44 постановления от 20 июля 2004 года по жалобе № 47940/99 «*Balogh против Венгрии*» и § 119 постановления Большой палаты по жалобе № 26772/95 «*Labita против Италии*», ECHR 2000-IV). Суд последовательно подчёркивал, что для установления нарушения страдание и унижение должны превышать неизбежный элемент страдания или унижения, связанного с данной формой правомерного обращения либо наказания. Меры, лишаящие человека свободы, часто могут включать такой элемент. В соответствии со статьёй 3 Конвенции, государство должно обеспечить, чтобы лицо находилось под стражей в условиях, совместимых с уважением человеческого достоинства, и чтобы метод исполнения соответствующей меры

не подвергал его лишениям, превосходящим неизбежный уровень страданий, неотъемлемых для содержания под стражей (см. §§ 92-94 постановления Большой палаты по жалобе № 30210/96 «*Kudla против Польши*», ECHR 2000-XI).

31. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель провёл два года и десять дней в центре для содержания иностранных граждан, оборудованном для краткосрочного содержания под стражей. Это объясняет слабую развитость центра, в камерах которого не было текущей воды и туалетов. Гигиенические приспособления были явно неадекватны по сравнению с количеством содержащихся лиц. Прогулки были нерегулярны и чрезвычайно коротки. Суд ссылается в этой связи на свою хорошо устоявшуюся практику, согласно которой один факт содержания заявителя в течение длительного периода времени в неподготовленной камере, рассчитанной на краткосрочное содержание, достаточен для установления нарушения статьи 3 (см. § 38 постановления от 17 октября 2013 года по жалобе № 36401/10 «*Aslanis против Греции*», §§ 69-72 постановления от 3 марта 2011 года по жалобе № 6110/03 «*Купцов и Купцова против России*», §§ 23-27 постановления от 29 апреля 2010 года по жалобе № 11336/06 «*Христофоров против России*» и §§ 84-96 постановления от 12 июня 2008 года по жалобе № 16074/07 «*Щебет против России*»).
32. Вдобавок центр для содержания иностранных граждан был постоянно сильно переполнен. В течение первых полутора лет своего заключения заявитель располагал личным пространством площадью менее двух квадратных метров. В последующие десять месяцев его ситуация немного улучшилась, и периоды перенаселённости, когда восемь человек содержались в камере площадью 18 квадратных метров, сменялись периодами относительной нормальности, когда в той же камере содержались только четыре человека. Вместе с тем, эти последние периоды следует анализировать через призму почти полного отсутствия прогулок и дефектности гигиенических приспособлений. По ранее рассмотренным делам, когда у заявителей было менее 3 квадратных метров личного пространства, Суд устанавливал, что перенаселённость была достаточно тяжёлой, чтобы сама по себе влечь за собой установление нарушения статьи 3 Конвенции (см. § 145 постановления от 10 января 2012 года по жалобам №№ 42525/07 и 60800/08 «*Ананьев и другие против России*»).
33. Правительство не оспаривало описание заявителем условий его содержания. Оно также признало, что эти условия не соответствовали установленным статьёй 3 Конвенции стандартам.
34. Суд полагает, что заявитель вынужден был терпеть условия содержания под стражей, которые вызывали у него значительные психические и физические страдания, умаляя его человеческое достоинство. Таким образом, условия его содержания под стражей представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции даже в отсутствие какого-либо позитивного умысла унижить заявителя со стороны какой-либо государственной структуры.
35. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей в ожидании выдворения нарушило параграф 1 (f) статьи 5 Конвенции в связи с его чрезмерной длительностью и явной невозможностью исполнить постановление о его выдворении в Узбекистан. Также он жаловался на основании параграфа 4

статьи 5 Конвенции на то, что не мог добиться судебного контроля за своим заточением. Соответствующие положения статьи 5 предусматривают следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишён свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишён свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. ...”

А. Приемлемость

37. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу параграфа 3 (а) статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо

38. Суд в первую очередь рассмотрит, существовала ли возможность эффективного надзора за тем, являлось ли содержание под стражей незаконным или произвольным, а во-вторых было ли содержание заявителя под стражей совместимо с требованиями параграфа 1 (f) статьи 5 [Конвенции] (см. §§ 146 и след. постановления от 18 апреля 2013 года по жалобе № 67474/11 *«Азимов против России»*, §§ 29 и след. постановления от 27 июля 2010 года по жалобе № 24340/08 *«Louled Massoud против Мальты»*, §§ 112 и след. постановления от 11 декабря 2008 года по жалобе № 42502/06 *«Муминов против России»*).

1. Соответствие параграфу 4 статьи 5 Конвенции

39. Правительство признало нарушение параграфа 4 статьи 5 Конвенции.
40. Заявитель утверждал, что российское право не предусматривает никакой возможности получения осмысленного судебного контроля законности содержания под стражей лица, задержанного для административного выдворения (для сравнения он сослался на § 62 постановления от 26 ноября 2009 года по жалобе № 8256/07 *«Tabesh против Греции»*). Такое заточение может продолжаться до двух лет, но отсутствует периодический судебный контроль его законности. Обращения заявителя с просьбой рассмотреть законность его продолжающегося содержания под стражей были отвергнуты фактически без рассмотрения по сути Сестрорецким районным судом, а затем Красносельским районным судом. Оба решения нижестоящих судов были оставлены без изменения Санкт-Петербургским городским судом.
41. Суд подчёркивает, что целью параграфа 4 статьи 5 [Конвенции] является гарантирование арестованным и задержанным лицам права на судебный контроль законности той меры, которая к ним применена. Во время нахождения лица в условиях несвободы ему должно быть доступно средство правовой защиты, позволяющее добиться своевременного судебного контроля законности лишения свободы. Этот контроль должен быть способен влечь за

- собой, в случае необходимости, освобождение лишённого свободы лица. Наличие средства правовой защиты, требуемого параграфом 4 статьи 5 [Конвенции], должно быть достаточно ясно не только в теории, но и на практике, иначе оно будет лишено свойств доступности и эффективности, требуемых для достижения целей этого положения (см. § 113 вышеупомянутого постановления по жалобе Муминова, § 145 постановления от 24 апреля 2008 года по жалобе № 2947/06 «Исмоилов и другие против России»).
42. Прежде всего, Суд отмечает, что нельзя сказать, что судебный контроль того типа, который требуется параграфом 4 статьи 5, был инкорпорирован в первичное постановление от 19 июля 2011 года, которым заявитель был лишён свободы. Основной смысл жалобы заявителя по параграфу 4 статьи 5 не направлен против постановления, которым он изначально был лишён свободы, а скорее против его неспособности получить доступ к судебному контролю его содержания под стражей по прошествии какого-то времени. Учитывая, что заявитель провёл в заточении более двух лет, за это время могли возникнуть новые вопросы, связанные с его законностью. В частности, заявитель пытался объяснить судам, что его содержание под стражей перестало быть законным, когда выяснилось, что он не может быть выдворен в Узбекистан. В силу параграфа 4 статьи 5 [Конвенции] заявитель был вправе обратиться в «суд», обладающий компетенцией «безотлагательно» решить, стало ли лишение его свободы «незаконным» в свете новых факторов, возникших после решения о его первоначальном помещении под стражу (см. §§ 151-152 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова).
43. Суд отмечает, что в течение всего двухлетнего периода времени, когда заявитель находился в заточении, не происходило ни автоматического периодического продления срока содержания заявителя под стражей, ни какого-либо его судебного контроля. Попытки заявителя добиться такого контроля также были бесплодны: два районных суда и Санкт-Петербургский городской суд отказались рассмотреть по существу его жалобу на незаконность лишения свободы, установив, что нет необходимости изменить положение заявителя либо подвергнуть его судебному контролю в свете новых обстоятельств. Помимо этого, Суд отмечает, что в деле Азимова, где рассматривалась схожая жалоба, Правительство не смогло привести положение национального законодательства, которое позволило бы заявителю инициировать судебный контроль законности лишения его свободы при выдворения (см. § 153 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова). В настоящем деле Правительство также признало нарушение параграфа 4 статьи 5 [Конвенции].
44. Из этого вытекает, что в течение того периода времени, когда заявитель был лишён свободы, ожидая своё выдворение, в его распоряжении не имелось никакой процедуры судебного контроля законности сложившейся ситуации.
45. Таким образом, имело место нарушение параграфа 4 статьи 5 [Конвенции].

2. Соответствие параграфу 1 статьи 5 Конвенции

46. Правительство признало нарушение параграфа 1 (f) статьи 5 [Конвенции] в отношении периода времени после 5 февраля 2013 года, то есть даты письма из Посольства Узбекистана, прояснившего невозможность выдворения заявителя в Узбекистан. Относительно предшествующего периода Правительство указало, что продолжительное заточение заявителя было вызвано «объективной причиной», а именно отсутствием информации из Посольства Узбекистана. Национальные власти проявили «особое усердие» в исполнении процедуры выдворения.

47. Заявитель указал, что российские власти проводили выдворение без особого усердия. Отсутствие этого особого усердия с их стороны проявилось несколькими способами. Во-первых, ничего не было сделано для того, чтобы связаться с узбекскими властями в течение первых четырёх месяцев и одиннадцати дней заточения заявителя. Во-вторых, российские власти направили не менее четырёх писем в Посольство Узбекистана в Москве, но первый ответ был получен не ранее, чем через год и два месяца после отправки первого письма. В-третьих, не существовало никакого оправдания для содержания заявителя под стражей после 5 февраля 2013 года, когда российским властям стало известно, что он не является узбекским гражданином. Наконец, заявитель отметил, что он находился в заточении в ожидании выдворения. Иными словами, речь не шла о сложной экстрадиционной процедуре: единственный вопрос, на который следовало найти ответ, заключался в том, существует ли хотя бы одно государство, способное и готовое принять его.
48. Заявитель был лишён свободы с целью его выдворения из России, то есть «высылки» по смыслу параграфа 1 (f) статьи 5 Конвенции (см. § 160 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова). Таким образом, лишение заявителя свободы входит в сферу применения параграфа 1 (f) статьи 5 [Конвенции].
49. Параграф 1 (f) статьи 5 не требует, чтобы содержание под стражей рассматривалось как разумно необходимое, например, для предотвращения правонарушения либо побега. Любое лишение свободы на основании второй части параграфа 1 (f) статьи 5 будет обосновано, если предпринимаются меры по высылке или выдаче. Если эти меры не сопровождаются особым усердием, лишение свободы перестаёт быть допустимым согласно параграфу 1 (f) статьи 5 (см. § 113 постановления от 15 ноября 1996 года по жалобе «*Chahal против Великобритании*», Сборник постановлений и решений 1996-V). Для того, чтобы не стать произвольным, лишение свободы на основании параграфа 1 (f) должно быть добросовестным. Оно должно быть тесно связано с основанием лишения свободы, на которое ссылается Правительство. Место и условия содержания под стражей должны быть соответствующими. Длительность содержания под стражей не должна превышать то, что разумно требуется для достижения цели (см. § 164 постановления Большой палаты по жалобе «*A. и другие против Великобритании*», ECHR 2009).
50. Суд отмечает, что заявитель находился в заточении в период исполнения постановления о его выдворении в общей сложности в течение двух лет и десяти дней. Похоже, что единственные меры, принятые российскими властями в этот период времени, представляли собой написание пяти писем с просьбой о выдаче заявителю проездного документа в Посольство Узбекистана в Москве. Действительно, российские власти не могли заставить Посольство выдать такой документ. Вместе с тем, ничто не свидетельствует о том, что они решительно занимались этим вопросом либо пробовали вступить в переговоры с узбекскими властями с целью ускорить выдачу требуемого документа (см. § 77 постановления от 12 февраля 2013 года по жалобе № 58149/08 «*Amie и другие против Болгарии*», § 73 постановления от 11 февраля 2010 года по жалобе № 31465/08 «*Raza против Болгарии*», § 56 постановления от 26 ноября 2009 года по жалобе № 8256/07 «*Tabesh против Греции*», § 66 постановления от 27 июля 2010 года по жалобе № 24340/08 «*Louled Massoud против Мальты*»).
51. Суд особенно озабочен тем, что российские власти направили своё первое письмо в Посольство Узбекистана более чем через четыре месяца после помещения заявителя под стражу. Это письмо касалось заявителя и ещё

двенадцати человек, которых считали гражданами Узбекистана. Хотя административное удобство в других условиях может потребовать групповой обработки аналогичных запросов, тот факт, что заявитель был лишён свободы, требовал со стороны властей особого усердия, и задержка на четыре месяца явно не была свидетельством проявления такого усердия (см. § 56 постановления от 26 ноября 2009 года по жалобе № 8256/07 «*Tabesh против Греции*»), где власти бездействовали в течение трёх месяцев).

52. Получив письмо узбекских властей от 5 февраля 2013 года, российские власти узнали о том, что выдворение заявителя в Узбекистан более не является реальной перспективой, так как заявитель не является гражданином этого государства. Правительство не представило доказательств каких-либо усилий, предпринятых [российскими властями] для того, чтобы добиться принятия заявителя какой-либо третьей страной. Нет подтверждений и того, что власти просили заявителя указать такую страну, либо того, что они по своей инициативе предпринимали какие-либо меры для изучения такой возможности (ср. § 77 постановления от 12 февраля 2013 года по жалобе № 58149/08 «*Amie и другие против Болгарии*»). Суд подчёркивает, что содержание под стражей не может считаться осуществляемым с целью высылки заявителя, если сама такая высылка более невозможна (см. §§ 64-65 постановления от 8 октября 2009 года по жалобе № 10664/05 «*Миколенко против Эстонии*»). Правительство-ответчик также это признало.
53. Далее Суд подчёркивает, что национальные власти обязаны оценить, существует ли реальная перспектива выдворения и являлось ли лишение свободы с целью выдворения с самого начала и продолжает ли оно являться обоснованным (см. § 77 постановления от 12 февраля 2013 года по жалобе № 58149/08 «*Amie и другие против Болгарии*» и § 68 постановления от 27 июля 2010 года по жалобе № 24340/08 «*Louled Massoud против Мальты*»). В этих обстоятельствах решающим становится наличие процессуальных гарантий. Вместе с тем, Суд уже установил, что у заявителя не имелось эффективного средства правовой защиты для обжалования законности и длительности его заточения, и Правительство не указало на наличие каких-либо нормативных или практических гарантий. Из этого следует, что российская правовая система не предусматривала процедуры, способной предотвратить риск произвольного лишения свободы в ожидании выдворения (см. §§ 153-154 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова, § 71 постановления от 27 июля 2010 года по жалобе № 24340/08 «*Louled Massoud против Мальты*» и, в соответствующем ракурсе, § 114 постановления от 23 октября 2008 года по жалобе № 2440/07 «*Солдатенко против Украины*»). В отсутствие таких гарантий заявитель провёл все два года, то есть максимальный период времени, предусмотренный российским правом для исполнения постановления о выдворении, в заключении.
54. Суд выражает озабоченность особо уязвимой ситуацией заявителя. Как лицо без гражданства он не мог получать консульскую поддержку и совет, которые обычно оказываются дипломатами своим гражданам, которые лишены свободы. Более того, похоже, что в России у него нет никаких финансовых ресурсов либо семейных связей, и он должен был испытывать значительные трудности в том, чтобы связаться и нанять представителя. Похоже, что национальные власти не проявили инициативу для того, чтобы ускорить выдворение и обеспечить эффективную защиту права заявителя на свободу, несмотря на то, что из постановления Конституционного Суда [Российской Федерации] от 17 февраля 1998 года можно сделать вывод о том, что они были прямо обязаны сделать это (см. § 25 настоящего постановления). Как следствие

заявитель был просто брошен прозябать месяцами и годами, закрытый в своей камере, когда никакой орган власти не проявлял активного интереса в его судьбе и благополучии.

55. Помимо этого, Суд отмечает, что максимальное наказание в виде лишения свободы за административное правонарушение, предусмотренное Кодексом об административных правонарушениях, составляет тридцать дней административного ареста (см. § 172 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова). Суд также отмечает, что содержание под стражей с целью выдворения не может являться по существу наказанием и должно сопровождаться соответствующими гарантиями, как постановил Конституционный Суд России (см. § 25 настоящего постановления). В этом деле «превентивная» мера, ввиду её жёсткости, была намного серьезнее, чем «наказательная», что ненормально (см. § 172 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова).
56. Вышеуказанные соображения достаточны для того, чтобы позволить Суду прийти к выводу о том, что основания содержания заявителя под стражей, а именно действие, направленное на его выдворение, не оставались действительными на протяжении всего периода его заточения, учитывая отсутствие реальной перспективы его выдворения и неспособность национальных властей вести эту процедуру с должным усердием.
57. Таким образом, имело место нарушение параграфа 1 (f) статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

58. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

59. Заявитель просил Суд определить размер компенсации морального вреда. Так как у него нет документов, удостоверяющих личность, либо банковского счёта он попросил Суд указать, что компенсация должна быть выплачена на банковский счёт его представителя госпожи Цейтлиной.
60. Правительство посчитало, что установление нарушения будет представлять собой достаточную справедливую компенсацию.
61. Суд присуждает заявителю 30000 евро компенсации морального вреда, а также любой подлежащий взысканию налог.

B. Судебные расходы

62. Заявитель также просил взыскания 1070 евро за работу двух его представителей в ходе судопроизводства во внутригосударственных судах и в Суде.
63. Правительство утверждало, что заявителем не представлены подтверждающие документы.
64. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов в той части, в которой они были действительно и необходимо понесены и являются количественно разумными. В настоящем деле, исходя из имеющихся в его распоряжении документов и руководствуясь вышеизложенными критериями, Суд считает разумным присудить

запрошенную сумму, то есть 1070 евро, покрывающую все расходы, плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя.

В. Процентная ставка

65. Суд считает правильным установить процентную ставку в размере маржинальной ставки кредитования Европейского центрального банка, увеличенной на три процентных пункта.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

66. Статья 46 Конвенции предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.
2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

67. Суд отмечает, что в силу статьи 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны обязаны выполнять окончательные постановления Суда по всем делам, стороной в которых они являются, при этом надзор за этим процессом возложен на Комитет министров. Из этого следует, в частности, что постановление, которым Суд установил нарушение Конвенции либо Протоколов к ней, возлагает на государство-ответчика юридическую обязанность не только заплатить заинтересованным лицам суммы, присуждённые в виде справедливой компенсации, но и выбрать, под надзором Комитета министров, общие и/или, в зависимости от ситуации, индивидуальные меры, которые должны быть приняты на уровне национальной правовой системы для того, чтобы положить конец нарушению, установленному Судом, и максимально устранить его последствия.
68. По настоящему делу установлены нарушения некоторых из основных защищаемых Конвенцией прав, в том числе запрета дурного обращения и права на свободу, которые не могли быть предотвращены на национальном уровне в силу отсутствия внутригосударственных средств правовой защиты. Ситуация, схожая с имевшей место по настоящему делу, возникла в деле, по которому лица без гражданства цыганского происхождения вынуждены были провести в ожидании своего административного выдворения из России почти год в том же центре для содержания иностранных граждан в Санкт-Петербурге в отсутствие судебного контроля своего содержания под стражей. То дело было завершено мировым соглашением, которым Правительство обязалось выплатить деньги заявителям (см. решение от 7 июня 2011 года по жалобе № 32002/10 «*Лакатош и другие против России*»). По делу Азимова и в последующих делах Суд установил нарушение параграфа 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что в течение периода времени, когда заявители были лишены свободы в связи с предстоящим выдворением, в их распоряжении не имелось никаких механизмов судебного контроля законности такого лишения свободы в свете новых факторов, возникающих после принятия первоначального решения об их помещении под стражу (см. §§ 153-154 вышеупомянутого постановления по жалобе Азимова).
69. В принципе не Суд должен определять подходящие средства возмещения, к которым должно прибегнуть государство для того, чтобы выполнить свои обязательства по статье 46 Конвенции. Вместе с тем, для того, чтобы помочь государству-ответчику соблюсти свои обязанности согласно статье 46, Суд может указать на тип тех индивидуальных и/или общих мер, которые могут быть приняты с тем, чтобы прекратить ситуацию, которую он признал

существующей (см. § 255 постановления Большой палаты от 17 января 2012 года по жалобе № 36760/06 «*Stanev против Болгарии*», § 148 постановления Большой палаты по жалобе № 10249/03 «*Scoppola против Италии (№ 2)*», ECHR 2009, и § 194 постановления Большой палаты по жалобе № 31443/96 «*Broniowski против Польши*», ECHR 2004-V). Суд заинтересован в быстром и эффективном прекращении рассогласованности национальной системы защиты прав человека. В этой связи Суд полагает, что для исполнения настоящего постановления несомненно требуется принятие общих мер на национальном уровне (см. § 125 постановления по жалобе № 33771/02 «*Driza против Албании*», ECHR 2007-V, и § 47 постановления от 27 июля 2010 года по жалобе № 24340/08 «*Louled Massoud против Мальты*»).

А. Общие меры для предотвращения подобных нарушений

70. В связи с установлением нарушения параграфа 4 статьи 5 [Конвенции] по настоящему делу Суд полагает необходимым указать общие меры, принятие которых требуется для предотвращения подобных нарушений в будущем. Суд установил нарушение параграфа 4 статьи 5 на том основании, что заявитель, лишённый свободы в ожидании своего выдворения из России, не мог инициировать судебную процедуру проверки законности своего содержания под стражей, которая могла бы привести к его освобождению в случае, если такое содержание перестало быть оправданным (см. § 43 настоящего постановления).
71. Таким образом, Суд полагает, что государство-ответчик должно прежде всего принять соответствующие правовые и/или иные меры для создания в своём национальном праве механизма, позволяющего человеку инициировать проверку законности своего содержания под стражей в ожидании выдворения в свете того, как процедура выдворения развивается. Суд подчёркивает, что хотя процедура, предусмотренная параграфом 4 статьи 5 [Конвенции], не всегда должна сопровождаться теми же гарантиями, что вытекают из статьи 6 [Конвенции] применительно к уголовному или гражданскому судопроизводству, она должна иметь судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие рассматриваемому типу лишения свободы (см. § 203 постановления Большой палаты по жалобе «*А. и другие против Великобритании*», ECHR 2009, и постановление Большой палаты от 22 мая 2012 года по жалобе № 5826/03 «*Идалов против России*»).
72. Суд также установил нарушение параграфа 1 статьи 5 Конвенции в связи с неразумной продолжительностью времени, в течение которого заявитель был лишён свободы. Соответственно Суд рекомендует государству-ответчику рассмотреть возможность принятия необходимых общих мер, направленных на ограничение периодов лишения свободы, с тем, чтобы они оставались связаны с основанием лишения свободы, применимым в иммиграционном контексте (см. § 55 настоящего постановления, § 123 постановления от 23 июля 2013 года по жалобе № 42337/12 «*Suso Musa против Мальты*», и постановление Конституционного Суда № 6-П, процитированное в § 25 настоящего постановления).

Б. Меры возмещения в отношении заявителя

73. Суд далее отмечает, что заявитель не только является лицом без гражданства, но и похоже, что у него нет постоянного места жительства и документов, удостоверяющих его личность. Таким образом, Суд обеспокоен, что после

освобождения его ситуация по-прежнему может означать, что он окажется вне пределов правового поля российского миграционного законодательства и вновь может быть привлечён к административной ответственности на основании статьи 18.8 Кодекса об административных правонарушениях, процитированного в § 23 настоящего постановления.

74. Таким образом, Суд убеждён, что Правительство России должно обратиться к необходимым средствам и процедурам с тем, чтобы предотвратить повторное задержание заявителя на основании того, что он является лицом без гражданства. Учитывая разнообразие доступных средств, которые могут быть использованы для достижения этой цели, и природу рассматриваемых вопросов, Комитету министров виднее, чем Суду, какие именно специфические индивидуальные меры должны быть приняты. Следует оставить Комитету министров возможность осуществлять надзор, на основании информации, предоставляемой государством-ответчиком, и с должным учётом изменяющейся ситуации заявителя, за принятием общих мер, которые были бы действенны, своевременны, адекватны и достаточны для обеспечения максимально возможного возмещения за установленные Судом нарушения (см. § 255 постановления по жалобе № 71386/10 «Савриддин Джураев против России», ECHR 2013).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признаёт* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение параграфа 4 статьи 5 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение параграфа 1 (f) статьи 5 Конвенции;
5. *Постановляет*
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трёх месяцев после вступления настоящего постановления в силу в соответствии с параграфом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы, которые должны быть переведены в валюту государства-ответчика по курсу на день оплаты и выплачены на банковский счёт госпожи Цейтлиной:
 - (i) 30 000 (тридцать тысяч) евро, а также любой подлежащий взысканию налог в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 070 (одна тысяча семьдесят) евро, а также любой налог, который может взыскан с заявителя, в качестве компенсации судебных расходов;
 - (б) после истечения вышеуказанного трёхмесячного периода времени до выплаты на вышеуказанные суммы должен начисляться простой процент по ставке, равной маржинальной ставке кредитования Европейского центрального банка, увеличенной на три процентных пункта.

Совершено на английском языке с письменным уведомлением о принятии постановления 17 июля 2014 года, в соответствии с параграфом 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Секретарь

Изабель Берро-Лефевр
Председатель

Это неофициальный перевод, подготовленный УВКБ ООН. УВКБ ООН не несет ответственность за какое-либо ненадлежащее использование данного неофициального перевода. В случае упоминания или цитирования данного решения в официальном порядке, пользователям сайта следует обратиться к документу на языке оригинала или получить его официальный перевод.